

Н. Р. Ойноткинова

Горно-Алтайский государственный университет

КОННОТАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЗООНИМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ, В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Цель данной статьи – выявить лексико-семантические особенности коннотаций зоонимов, обозначающих диких животных в алтайском языке. Актуальность работы обусловлена отсутствием комплексного исследования коннотативных значений зоонимов в алтайском языке. Предметом исследования стали зооморфизмы, обозначающие представителей разных семейств, и используемые в номинациях человека. Одна из главных задач – выявить положительные (мелиоративные) и отрицательные (пейоративные) коннотации у этих зоолексем. Методы исследования: семантико-прагматический метод, контекстуальный анализ, компонентный анализ. Новизна исследования заключается в анализе проявлений коннотации в речи носителей алтайского языка, которые не были зафиксированы в словарях, но воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания. В русле антропоцентрического подхода рассмотрена специфика зоонимов, обозначающих представителей семейств медвежьих, псовых, куньих, беличьих, оленевых в алтайском языке, которые наделены коннотативными значениями и являются средствами эмотивно-оценочной номинации. Зоонимы, обозначающие диких животных, в алтайском языке участвуют в концептуализации человека, его физических, морально-этических и интеллектуальных качеств. Выражая субъективное отношение к другому человеку, описывая его качества, носитель языка актуализирует те стереотипные устоявшиеся ассоциации с животными, которые закреплены в его языковом сознании. Коннотативные значения зоонимов, обозначающих представителей семейств медвежьих и псовых, следующие: *айу* ‘медведь’ выражает сему «сильный»; *бөрү* ‘волк’ – «злой», «жестокий», «алчный», «молодой»; *түлкү* ‘лиса’ – «красивый», «хитрый»; *борсук* ‘барсук’ – «глупый», «добрый», «честный»; *jeeken* ‘росомаха’ – «хвастливый»; *токтонок* ‘ласка’ – «мудрый»; *пулан* ‘лось», *марал* ‘олень’ – «сильный», «отважный»; *элик* ‘косуля’ – «красивый», «пугливый»; *тийин* ‘белка’ – «быстрый», «легкий», «прыткий». В культурно-языковой практике с использованием зоонимов отмечаются две тенденции в означивании: это антропоморфизм, или наделение человеческими свойствами животных, и зооморфизм, или наделение людей свойствами животных, уподобление человека животному. В процессе функционирования зоонимов в переносном значении в речевой практике происходит взаимообогащение семантики лексем.

Ключевые слова: алтайский язык; зоонимы; зооморфизмы; коннотативное значение; эмотивно-оценочная лексика; языковая картина мира; семантический признак; дикие животные; метафорический перенос; оценка

Благодарности: Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая».

Для цитирования: Ойноткинова Н. Р. Коннотативные значения зоонимов, обозначающие диких животных, в алтайском языке. Эпосоведение. 2023, № 4. С. 76–87. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-76-87.

© Ойноткинова Н. Р., 2023

© Oynotkina N. R., 2023

ОЙНОТКИНОВА Надежда Романовна – доктор филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия. ORCID: 0000-0002-5767-7085; WoS Researcher ID: K-2125-2017. E-mail: sibfolklore@mail.ru

OYNOTKINOVA Nadezhda Romanovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Altai Philology and Oriental Studies, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia. ORCID: 0000-0002-5767-7085; WoS Researcher ID: K-2125-2017. E-mail: sibfolklore@mail.ru

N. R. Oinotkina

Gorno-Altai State University

Connotative meanings of zoonyms denoting wild animals in the Altai language

Abstract. The purpose of this paper is to identify the lexical and semantic features of the connotation of zoonyms denoting wild animals in the Altai language. The relevance of the work is due to the lack of a comprehensive study of the connotative meanings of zoonyms in the Altai language. The subject of the study is zoomorphisms that designate representatives of different families (bears, canines, deer, mustelids, squirrels) and are used in human nominations. One of the tasks is to identify the positive (meliorative) and negative (pejorative) connotations of these zoolexemes. The research methods used in this work are the semantic-pragmatic method, contextual and component analysis. The novelty of the study lies in the analysis of manifestations of connotation in the speech of native speakers of the Altai language, which are not recorded by existing dictionaries, but are reproduced in the process of forming and interpreting statements. In line with the anthropocentric approach, the specificity of zoonyms denoting in the Altai language representatives of the families of bears, canines, mustelids, squirrels, and deer, which are endowed with connotative meanings and are means of emotional-evaluative nomination, is considered. Zoonyms denoting wild animals in the Altai language are involved in the conceptualization of man, his physical, moral, ethical and intellectual qualities. By expressing a subjective attitude towards another person, describing his qualities, a native speaker actualizes those stereotypical established associations with animals that are enshrined in his linguistic consciousness. The connotative meanings of zoonyms denoting representatives of the bear and dog families are as follows: *ayu* “bear” expresses the word “strong”, *börü* “wolf” – “evil”, “cruel”, “greedy”, “young”; *tülkü* ‘fox’ – “beautiful”, “cunning”, *borsuk* ‘badger’ – “stupid, kind, honest”, *jeeken* ‘wolverine’ – “boastful”, *toktonok* ‘weasel’ – “wise”; *pulan* ‘elk’, *maral* ‘deer’ – “strong, brave”, *elik* ‘roe deer’ – “beautiful”, ‘timid’, *tıyn* ‘squirrel’ – ‘fast’, ‘light’, ‘nimble’. In cultural and linguistic practice, when using zoonyms, two trends in meaning are noted: anthropomorphism, or endowing animals with human properties, and zoomorphism, or endowing people with animal properties, likening humans to animals. In the process of functioning of zoonyms in a figurative meaning in speech practice, mutual enrichment of the semantics of lexemes occurs.

Keywords: Altai language; zoonyms; zoomorphisms; connotative meaning; emotive-evaluative vocabulary; linguistic picture of the world; semantic feature; wild animals; metaphorical transfer; assessment

Acknowledgments: The study was carried out according to the Russian Science Foundation project No. 23-28-10028 “The linguistic picture of the world of the Altai people: vocabulary of the fauna of the Altai Mountains”.

For citation: Oinotkina N. R. Connotative meanings of zoonyms denoting wild animals in the Altai language. *Epic studies*. 2023, no. 4. Pp. 76–87. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-76-87.

Введение

Зооморфизмы относятся к эмоционально-оценочной лексике языка, с помощью которой выражается оценка говорящих к предмету речи. Эмоционально-оценочная лексика проявляет себя в коннотативном компоненте лексического значения слова и связана с отражением своеобразия национального языкового сознания. Коннотативные значения некоторых алтайских зооморфизмов (*такаа* ‘курица’, *пѳтѳк* ‘петух’, *бѳрѳ* ‘волк’, *айу* ‘медведь’) рассмотрены в статьях Л. Н. Тыбыковой [1; 2; 3]. Цель же данной статьи – выявить семантические признаки коннотаций зоонимов, обозначающих диких животных в алтайском языке. Актуальность работы заключается в необходимости комплексного исследования коннотативных значений зоонимов в алтайском языке. Поставлена задача – выделить положительные (мелиоративные) и отрицательные (пейоративные) коннотации зоолексем, обозначающих диких животных в алтайском языке.

Как известно, в языкознании термин «зооморфизм» определяется широко как зоонимический образ в целом. В узком значении под зооморфизмами понимаются метафорические дериваты зоонимов, образующиеся в результате семантического переноса. В данном исследовании

мы употребляем узкое значение термина «зооморфизм» и понимаем его как зооним, используемый в качестве метафорической характеристики человека через уподобление его внешнего облика, разнообразных черт характера (особенностей поведения и т. д.) образу животного. В значении зооморфизма смысловой акцент падает не столько на человека как такового, сколько на его качество или признак, актуализируемый в процессе номинации. При этом на уровне семантической структуры зооморфизма эмотивно-оценочные семы, относящиеся к коннотативному значению, занимают позицию семантического ядра, тогда как предметные семы отесняются к периферии денотата и лишь отчасти сохраняют свое предметно-логическое значение.

В научной литературе отмечается неоднозначность трактовки термина «коннотация». Исследователи по-разному понимают свойства и объем категории коннотации. Часто коннотация отождествляется с эмоциональным, экспрессивным, оценочным, стилистическим и функционально-стилистическим компонентами слова. В исследовании сути коннотаций выделяются следующие направления: семантическое (Ю. Д. Апресян, И. В. Арнольд, Н. Г. Комлев, А. В. Кунин, Н. А. Лукьянова, И. А. Стернин, В. Н. Телия и др.), стилистическое (Ш. Балли, Т. Г. Винокур, Г. В. Колшанский и др.), культурологическое (Е. М. Верещагин, В. В. Виноградов, О. В. Иванищева, В. Г. Костомаров, В. А. Маслова, Н. И. Толстой и др.). Несмотря на разницу в лингвистических подходах, результаты, полученные исследователями, взаимодополняют знания о зоонимах.

Коннотации, или семантические ассоциации, относятся к прагматике слова и при этом составляют один из типов его лексического значения. В лингвистике под коннотациями лексемы понимаются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [4, с. 159]. Коннотации непосредственно связаны с трансляцией культурных стереотипов, существующих в том или ином обществе.

В. Н. Телия отмечала, что коннотативное значение – это добавочная информация, которая накладывается на денотативное значение, выражая «эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому» [5, с. 16] и придавая высказыванию экспрессивную окраску. Главной функцией коннотаций является «функция воздействия, непосредственно и неразрывно связанная с прагматикой речи» [5, с. 16, 21]. Говорящий, выражая оценку и свое отношение к объекту, создает коммуникативный эффект. В. Н. Телия определяла культурную коннотацию как информацию о специфике национально-культурной системы ценностей и традиций, принятых носителями данного языка [5, с. 102–109].

Слово обретает экспрессивную окраску в определенном культурном контексте. Культурологическое направление трактует коннотацию как средство передачи дополнительной информации, связанной с национальными особенностями лексической единицы. Исследователи рассматривают культурную коннотацию в контексте того, что она ставит семантическое значение слова в зависимость от культурных традиций той или иной страны или этноса, и эта национально-культурная специфика отражается в семантической структуре слова. Так, В. А. Маслова придерживается точки зрения, что лингвокультурологический подход к изучению коннотаций предполагает внедрение в структуру языкового знака показателя влияния определенной культуры [6, с. 53]. По мнению лингвиста, две семиотические системы – язык и культура – пересекаются в попытке «интерпретации ассоциативно-образного или символического основания языкового знака» [6, с. 54], в результате чего и появляется культурная коннотация.

Ярким элементом коннотативной лексики любого языка считаются зоонимы, содержащие прагматическую информацию, смысл которой становится ясной, если обратиться к языковой практике. Так, «говорящий, используя лексему, имеющую определенные коннотации, не выражает этим своей личной оценки обозначаемого объекта...» [7, с. 92]. Коннотативный компонент переносного значения («о человеке») заключается в оценочных и эмотивных компонентах. Коннотации лексем проявляются в целом ряде явлений языка и речи. Средствами объективации

коннотаций слова являются: переносные значения (ср. переносное значение ‘тупой и/или упрямый человек’ у слова *осел*), привычные сравнения (ср. ‘упрямый как осел’), значения производных слов (ср. *ветренный* в значении ‘легкомысленный’), значения фразеологизмов (ср. *как ветром сдуло*, что означает ‘быстрое исчезновение кого-, чего-либо’) [7, с. 92–93].

Лингвисты пришли к мнению, что коннотации зоонимов в языках сильно различаются, что требует их исследования и систематизации. Объективация коннотативных значений наиболее часто реализуется в речи в лексико-семантических группах (ЛСГ), обозначающих животных и птиц. Употреблений, возникших на основе названий насекомых, земноводных, пресмыкающихся и рыб, совсем немного. Это объясняется тем, что люди в процессе традиционного хозяйствования чаще всего наблюдают за жизнью животных и птиц. Из зооморфизмов-названий животных большую часть представляют собой названия домашних животных, меньшую часть – дикие животные [8, с. 164]. Анализ алтайского материала подтверждает мнение исследователей о немногочисленности коннотаций слов, обозначающих диких животных. Безусловно, не все зоонимы имеют коннотативные значения.

Материалом исследования послужили выборка примеров, взятых из фольклорных, художественных текстов на алтайском языке, а также записанных во время полевого исследования в районах, где проживают носители алтайского языка. Семантико-прагматический подход к исследованию эмотивно-оценочной лексики предполагает анализ слова, который направлен на обнаружение семантических признаков зоонима в результате его функционирования в речевой практике. Методика компонентного анализа при изучении семантической структуры слова позволяет учесть, прежде всего, контекст и ситуацию, а также дистрибуции (окружение слова).

Новизна данной работы состоит в анализе проявлений коннотации в речи носителей алтайского языка, которые не были зафиксированы имеющимися словарями, но воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания. Этнокультурный контекст зоонимов гораздо шире переносных употреблений, которых мы отобрали и сделали предметом нашего исследования. Наш материал показывает, что в культурно-языковой практике с использованием зоонимов отмечаются две тенденции в означивании: это антропоморфизм, или наделение человеческими свойствами животных, и зооморфизм, или наделение людей свойствами животных, уподобление человека животному. Именно в процессе функционирования зоонимов в переносном значении в речевой практике происходит взаимообогащение семантики лексем. Итак, рассмотрим алтайские зооморфизмы.

1. Коннотативные значения зоонимов, обозначающих представителей семейств псовых и медвежьих

Представители семейств псовых и медвежьих, медведь, волк и лиса, являются наиболее яркими зоообразами в лингвокультуре алтайцев. По отношению к волку и медведю охотниками используются эвфемизмы. Так, волка называют *көк таай* ‘серый дядя по матери’, *таай өгөдөн* ‘дядя по матери’, *тудаачы* ‘хватаящий’, *улуучы* ‘воюющий’, *боро ийт* ‘серая собака’ и др. У медведя иносказательных имен еще больше: *манжалай* ‘медведь’ (заимствование из тувинского или монгольского языков), *кайракан* ‘уважаемый’, *кезер* ‘силач’, *күлүк* ‘сильный, ловкий’, *танма* ‘негодник’, *абаай* ‘дедушка, брат деда’, *апшыйак* ‘дедушка’ и др. [9, с. 94–105]. За этими зоообразами закрепились определенные пейоративные коннотации.

Зоообраз *айу* ‘медведь’ в алтайской лингвокультуре олицетворяет силу, мощь. Компаративные и метафорические употребления этого зоонима выражают положительную сему «сильный»: *Мундузак, айу чылап, кабыра тутты* [10, с. 66] ‘Мундузак, как медведь, схватил’¹; *Анчыбай! – деп, бай айу чылап, алгырып ийди* [10, с. 55] ‘Анчыбай! – так богач, как медведь, заорал’; *Алтын-Мизе мыны угун, / Ачынбас бойы ачынды, / Айу чылап огурды, / Бала чылап ыйлады* [11, с. 22] ‘Алтын-Мизе, это услышав, / Не сердившийся сам рассердился, / Как медведь

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык произведены автором статьи.

заорал, / Как ребенок заплакал'. В мифопоэтике алтайского фольклора с медведем сравнивается физически сильный человек, на что указывают метафоры в пословицах: *Эки айу жангыс ичегенде жарапнас* 'Два медведя в одной берлоге не уживутся' [12, с. 134, 135] (т. е. двум сильным лидерам бывает сложно в одном месте).

В языке и фольклоре образы этих двух хищников часто используются в паре. Так, в алтайской пословице с образами волка и медведя ассоциируются враги общества, раскол в котором сравнивается с разбродом в стаде. Тот, кто отделился от общества, может оказаться добычей врага-хищника: *Бөлингенди бөрү жуир, / Айрылганды айу жуир* 'Расколовшихся волк съест, / Разлучившихся медведь съест' [12, с. 134, 135].

В семантической структуре зоонима *бөрү* 'волк' имеется как пейоративная, так и мелиоративная оценка. Контекст употребления зоонима *бөрү* 'волк' указывает на метафорическое обозначение человека по признакам «жестокий» и «алчный». Данный зооним часто сопровождается определениями, выраженными прилагательными *казыр* 'жестокий', *ач* 'голодный, алчный'. В сравнительных оборотах и переносных значениях с образом *бөрү* 'волк' ассоциируются враги, противники. Например: *Келип жаткан өштү коркышту казыр бөрүлердин ле бойы, черүлери көп* [13, с. 46] 'Идущие на нас враги очень жестоки, волки настоящие, воинство большое'. Жадность человеческая сравнивается с алчностью, кровожадностью волка: *Бу бөрүден де ачар, жеткерлү кам турбай? – деп, Мундузак кыйгырды* [10, с. 30] 'Этот шаман, оказывается, алчнее волка? – так крикнул Мундузак'.

Жестокость или озлобленность человека может проявляться на его лице, в глазах. Образы хищников, в частности и волка, стали стереотипами, олицетворяющими человеческие злобу, жестокость, коварство, вероломность: *Мөнүнэй бөрү чырайлу отурды. Бөрү чырайын уштыыла, мазага салып койордо, түлкү чырайы көрүндү* [14, с. 97] 'Когда Мёнгунай, сменив свой волчий облик, сложила в ящик, в ней стал проглядываться облик лисы'. *Көс кандый, бөрүниң көзи ошкоц* [10, с. 82] 'Глаза какие, как глаза волка'. Волк является олицетворением грубости, которая бывает присуща молодым, неотесанным парням, поэтому фразеологизм *бөрүдий көк туш* 'пора, как у синего волка' обозначает молодость человека. Синий цвет олицетворяет молодость. В русском языке зеленый цвет также ассоциируется с молодостью: *Бөрүдий көк, түлкүдий кызыл күчтү тужым. Эдер, тудар, табар, жөбр өйим деп айдат* [14, с. 102] 'Грубая, как волк, красная, как лиса, моя пора. Время, когда мог работать, строить, находить, так говорят'. Выражение *түлкүдий кызыл* 'красная, как лиса' содержит в себе семантический признак «красивая».

Лисе приписывается хитрость, и в пословицах соответствующее алтайское существительное сопровождается определением-прилагательным *сүмелү* 'хитрый' и дополнением-существительным *сүмезиле* 'хитростью': *Сүмелү түлкүчек кемди мекелебеген* 'Хитрая лисица кого только не обманывала'; *Түлкүчек сүмезиле айуны кайдаг антара салды* 'Лиса своей хитростью медведя со скалы спустила'; *Кажы ла түлкү жаражыла мактанар* 'Всякая лиса своей красотой хвалится' [12, с. 66, 67]. Хитрец (*сүмелү кижги*) изворотлив, умеет всячески выходить из сложной ситуации: *Бөрүни күчи азыраар, / Түлкүни куйругу азыраар* 'Волка сила кормит, / Лису хвост кормит' [12, с. 66, 67]. В сказках и мифах лиса своей хитростью обходит разных животных: сильного медведя, злого волка и даже человека.

Таким образом, коннотативные значения зоонимов, обозначающих представителей семейств медвежьих и псовых, следующие: *айу* 'медведь' выражает сему «сильный», *бөрү* 'волк' – «злой», «жестокий», «алчный», «молодой»; *түлкү* 'лиса' – «красивый», «хитрый».

2. Коннотативные значения зоонимов, обозначающих представителей семейства оленевых

К семейству оленевых, или оленьих, относятся парнокопытные млекопитающие: косули, олени, лоси. В художественной литературе алтайцев олень, косуля, лось стали зооперсонажами, их образы используются в сюжетах об охоте, а также для сравнений и метафориче-

ских иносказаний о человеке. В фольклорных текстах, сказках и мифах, делаются акценты на внешних особенностях животных: выделяются денотативные признаки зоонимов, объясняющие особенности строения тела или окраса, места обитания этих диких животных. В языковом сознании алтайцев олень и лось ассоциируются с мужской силой, отвагой, а косуля – с красивой девушкой. Эти сравнительные ассоциации и метафоры широко представлены в художественных и фольклорных произведениях, а также в речи носителей алтайского языка. В сказках и пословицах алтайцев эти зоонимы репрезентируют морально-этические нормы жития человека, что указывает на взаимодействие зооморфного и антропоморфного кодов языка и культуры.

Зооним *сыгын* ‘марал, олень’ в пословицах и поговорках используется в качестве сравнения для выражения оценки морально-этических качеств человека. Так, образ рогатого марала ассоциируется с бесстыдным человеком, т. к. бесстыдство, как и появление рогов у животного, является приобретенным качеством: *Сырадый сын сыгында бүйкен, / Сыйрылбас жүс сенде бүйкен* ‘С жердь ростом марал создан, / С гладким лицом (т. е. бесстыдным) ты создан’ [12, с. 36, 37]. Рога и отсутствие стыда, хотя они и относятся к разным сферам бытия – физическому и духовному, относятся к свойствам, приобретаемым живыми существами.

Лось, как и марал, символизирует красоту, силу, отвагу, поэтому его образ сопоставляется с мужским обществом: *Ай кара жыштыг түбинде / Карга пудырбас пулан палазы. / Калык арада жүргенде, / Сөскө пудатпас ада палазы. / Түн кара жыштыг түбинде / Муска пудырбас пулан палазы. / Тушман арада жүргенде, / Тилге жегдирбес көкшин палазы* – ‘В глубине тёмного-претёмного леса / Снегу путь преградить себе не даёт лосёнок. / Когда среди народа живёт, / Словом пресекать себя не даёт дитя отца. / В глубине ночного тёмного леса / Льду путь преградить себе не даёт лосёнок. / Когда среди чужих живёт, / Словом победить себя не даёт дитя старца’ [15, с. 258, 259]. Образ лося хорошо представлен в сказочном фольклоре: он передает различные аллегорические смыслы, связанные с морально-этическими свойствами человека. Лось соревнуется с оленем, кабаргой, лошадью и даже с тайменем. В тексте «Лошадь и лось» («Ат ле пулан») животные поругались, оба оказались красноречивыми. Каждый имеет свои проблемы и жизненные трудности: лось говорит лошади, что человек стреноживает лошадь, бьет её по голове поводком, а лошадь говорит лосю, что на лося охотится человек [16, с. 167]. Зооморфные образы служат для иллюстрации человеческого ума и тупости. В сказке «Кабарга и лось» («Тоорго ло пулан») лось спорит с кабаргой, кто первым увидит на закате солнце. Кабарга легла лицом к западу, а лось – к восходу солнца, и кабарга увидела солнце раньше [16, с. 166]. В тексте «Лось и олень» («Пулан ле сыгын») через образы животных осуждается человеческое хвастовство. Лось и олень, как бы ни хвастались своими достоинствами, оба оказались разными: у оленя быстрые ноги, а у лося красивые рога [16, с. 165].

В алтайских народных песнях косуле уподобляется красивая женщина, мать, сын или дочь, парень или девушка, а образу марала (*ан*) – мужчина-отец. *Ал тайганын кыбында, / Эй, аккийик ак аннын жолы бар. / Албаты-ньоннын ортодо-й, / Ададын ак айткан сөзи бар. / Эки за туунын кыбында / Эй, элик ак аннын жолы бар. / Эл-аймактын ортодо / Ой эненин ак айткан сөзи бар* ‘В ложбинах большой тайги, эй, / Белого оленя-зверя тропа есть. / Среди народа-племени, ой, / Отцом-то сказанные слова есть. / В ложбинах двух-то гор, / Эй, косули-зверя тропа есть. / Среди народа-племени, / Ой, матерью-то сказанные слова есть’ [15, с. 248-250, 249-251]. Для приманивания животных или птиц охотники используют дудку-эдиски, издающую звуки, сходные с голосом птицы или животного: *Эки кулак тен туткан / Элик чаабы болбайсын. / Эдиски үнүн тен туткан / Эненин уулы болбайсын* ‘Два уха ровно стоят – / Детёныш косули это ведь. / Как эдиски, [звонкий] голос раздался - / Голос моей матери это ведь’ [15, с. 258, 259]. *Кысыл элик туштаса, / Саска кыстап, атпалар. / Кыс паласы туштаса, / Сөске кыстап, айтпалар* ‘Если красная косуля встретится, / В болото загнав, её не застрелите. / Если девушка встретится, / Словами запутав, её не ругайте’ [15, с. 316, 317].

В языковом сознании алтайцев с косулей ассоциируется красивая женщина, чистоплотный, быстрый, работающий человек: *Элик деп чек кижини айдар*¹ ‘Косулей назовут чистоплотного человека’; *Элик деп чекчил, окпырлу, чыйрак келинди айдар*² ‘Косулей назовут аккуратную, статную, работающую молодую женщину’. В следующем контексте осторожная, плавная походка девушки уподобляется ходу косули: *Эки кыстын бирүзи / Элик чылап жууктап келди* ‘Одна из девушек, / Как косуля, [плавной поступью] приблизилась’ [11, с. 520, 521]. Метафорическое значение зооморфизма представлено в пословице, обозначающей «схожие люди понимают друг друга»: *Эликти элик ыраактан таныыр* ‘Косулю косуля издалека узнает’. В восприятии человека косуля – пугливое животное, если на нее охотится человек. Образ пугливой косули используется для сравнений с пугливым или трусливым человеком: *Чочыган эликтин көстөриндий көстөрүн ичим ойкөйт, көөркийим, ай толунундый ак сүт чырайын токыналым бусты, көөркийим, экү тостын кыбындый, торконунг жигиндий болуп биригип, журт төзөйлүк* – деп, *Койчы үчинчи күнде бойдуга айтты* [17, с. 124] ‘Глаза твои, как у испуганной косули, растревожили мою душу (букв. нутро), дорогая, от молочно-белого лица, как у полной луны, потерял покой, давай, соединившись, как слои на бересте, как изнаночная строчка на шелке, создадим семью» – так, Койчы на третий день сказал незамужней молодой женщине’.

У носителей алтайского языка образ этого животного в то же время символизирует красоту: глаза красавицы сравниваются с глазами косули – *эликтин көстөриндий* ‘как глаза косули’ или ‘глаза как у испуганной косули’. Глаза, как у косули, олицетворяют не только красивую форму глаза, но и беззащитность, отражение в глазах страха, испуга. Так, словосочетание с аффиксом обладания *элик корүш=тү жаражай* ‘красавица со взглядом косули (букв. красавица, имеющая взгляд косули)’ обозначает «теплый, покорный» взгляд девушки. Например: *Je элик көрүштү жаражай оны жылу уткыды* [17, с. 124] ‘Красавица со взглядом косули его тепло встретила’; *Чочыган эликтин көстөриндий көстөрлү жаражайдын аскан курсагы тамзык та, ток та эмтир* [17, с. 124] ‘У красавицы с глазами, как у испуганной косули, приготовленная ею еда и вкусная, и сытная, оказывается’.

Таким образом, в алтайской лингвокультуре зоонимы *пулан* ‘лось’, *марал* ‘олень’ ассоциируются с мужскими образами, а *элик* ‘косуля’ – с женскими образами. Зооморфизмы *пулан* ‘лось’, *марал* ‘олень’ выражают положительные коннотативные значения «сильный», «отважный», зооморфизм *элик* ‘косуля’ – «красивый», «пугливый».

3. Коннотативные значения зоонимов, обозначающих представителей семейства кунных

Животные, относящиеся к кунным, являются одним из наиболее богатых видов семейств млекопитающих отряда хищных. К кунным в алтайском языке относятся пушные звери-зоонимы *агас* ‘горноста́й’, *киш* ‘норка’, *борсук* ‘барсук’, *jeeкен* ‘росомаха’, *сарас* ‘колонок’. Представителей семейства кунных, как и семейства грызунов, сложно отличить обычному человеку, их могут распознать охотники, которые часто бывают в местах обитания этих зверей.

Зооним *киш* ‘соболь’ употребляется в качестве сравнительного образа, отображающего молодость и внешнюю красоту человека. В описании внешней красоты у алтайцев также встречаются метафорические сравнения *кабактары кара киш* ‘брови (как) черные соболя’: *Jергележип жорткон бойдулардын көргөн көстөри жылдыстар ошкош, чырайлары кызыл буланаттый, кабактары кара киш* [14, с. 83] ‘У скачущих рядом молодых (букв. ‘глядящие’) глаза, как звезды, лица румяные (букв. ‘красные, как иван-чай’), брови – черные соболя’. Здесь признаки меха соболя *жымжак* «пушистый», «мягкий» характеризуют человеческие брови.

Барсуку приписываются различные морально-этические и интеллектуальные признаки: «добрый», «глупый», «хвастливый», «трусливый», «молчаливый». В фольклорных текстах

¹ Информант ЧВТ, 1947 г. р., из рода ак кёбёк, образование среднеспециальное; с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай.

² Информант ЧВТ, 1947 г. р., из рода ак кёбёк, образование среднеспециальное; с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай.

о барсуке говорится как о трусливом животном, который боится хищников: *Билбес болзон, тоолойлы, / Ангардын адын адайлы: / Түште жүрерге кортык, / Өлө башту борсук* [18, с. 17] ‘Если не знаешь, то посчитаем, / Имена животных назовем: / Днем ходит он боязливый, / С полосатой головой барсук’. Поговорка *Борсук пойынын калжанын билинбес* ‘Барсук своей залысины не знает’ (т. е. хвастливый своих недостатков не замечает) употребляется в ситуации, когда необходимо укротить хвастуна или самоуверенного человека. Так, в мифе звери пошли охотиться, увидели лежащего марала и заспорили, кто первым пойдет на него. Барсук выскочил и сказал, что пойдет первым, т. к. он старше всех годами. Когда же он шел на марала, то спрашивал у других братьев, какие у него хвост и глаза. Звери отвечали: «Хвост торчит, глаза сузились». Пока он дожидался ответов, марал вскочил и, ударив его по лбу задними копытами, убежал. Все звери засмеялись, а лев, досадуя, сказал: «Барсук сам не предвидел, что лысым останется» (*Борсук пойынын калжанын билинбес*⁴). Глупый барсук, конечно же, образ мифический. В данном тексте утверждается назидание человеку, заключенное в форме поговорки, а также объясняется, почему у барсука морда белая. Сравнение *күскү борсуктый семис* ‘как осенний барсук жирный’ употребляется по отношению к толстому человеку⁵.

В пословице через образ росомахи, как и через образ барсука, высмеивается человеческое хвастовство: *Јеекен айдат деген: «Јети тууны эбирбезим, / Јеекен адым чыкпазын» – деп* ‘Росомаха сказала, говорят: «Семь гор не буду обходить, / Чтобы имя свое росомахи не ославить»’ [12, с. 118, 199]. Другие метафорические контексты у данного зоонима нами не выявлены.

Сравнительное выражение *јыту сарас* ‘вонючий колонок’ используется в контекстах для обозначения низкого, неопрятного человека, т. к. в возбуждённом состоянии это животное издает громкое стрекотание, помимо этого, выделяет жидкость с едким запахом с помощью своих анальных желёз.

Таким образом, некоторые представители семейства куньих участвуют в концептуализации образа человека: некоторые из них обозначают физические (красота – соболев; неопрятность – колонок), морально-этические (хвастовство – росомаха; честность, доброта – барсук) и интеллектуальные (глупость – барсук; мудрость – ласка) качества человека.

4. Коннотативные значения зоонимов, обозначающих представителей семейства беличьих

В алтайском литературном языке белкообразные грызуны обозначаются лексемами *тийинг* ‘белка’, *өркө* ‘суслик’, *тарбаган* ‘сурок’. Метафорические номинации белки и суслика обозначают быстрого, шустрого, трудолюбивого человека, метафорические номинации сурка – ленивого. Образу суслика уподобляется хитрый, вороватый человек, захватывающий чужое, а образу бурундука – жадный, а также наивный, доверчивый человек. Из-за особенностей обитания некоторых грызунов (белки-летяги, бурундука и сурка) в норах или ведения ночного образа жизни их образы получили мифологизированную интерпретацию.

В языке образ белки используют для метафорической номинации человека. По результатам полевого опроса, метафора *тийинг* ‘белка’ (о человеке) приписывает человеку физические качества: *капиуун* ‘быстрый’, *јенгил* ‘легкий (на подъем)’, *чекчил* ‘прыткий’. *Тийиндий чекчил болзын, агаши-ташты кырлып жүретен. Чекчил улус бар не, калып эштеп жүретен. Бот ондый улусты тийиндий калып жүрер деер. Тийиндий неме токтобос, токтомыр јок, јангыс ла бир агаштан бир агашика калып жүрер. Ач-апыр јок. Курсагын кышка күлтелеп алтран*⁶ ‘Будь как белка, по деревьям-камням лазай. Прыткие люди бывают, прыгают с одного места на другое. Вот таких людей называют белками. Белки не останавливаются, беспокойны, с одного дерева прыгают на другое дерево. Покоя у них нет. На зиму запасы в дупло прячут’.

⁴ Архив Музея антропологии и этнографии. Фонд А. В. Анохина II. – Оп. 1, папка № 106.

⁵ Информант ТИТ, 1950 г. р., из рода сойонг; с. Козюль Усть-Канского района Республики Алтай.

⁶ Информант БТБ, 1959 г. р., из рода тодош, образование среднеспециальное; с. Мендюор-Соккон Усть-Канского района Республики Алтай.

Метафора *тийинг* ‘белка’ содержит сему «шустрый», «легкий на подъем» (о человеке, который, поднявшись на кедр, спускает шишки): *Агашика чыгала, кузуктаган уулдарды тийинг деп айдарга жараар*⁷ ‘Мальчишков, которые, поднявшись на дерево, спускают кедровые шишки, можно называть «белками»’. В сравнении *Тийиндий иштенкей бол*⁸ ‘Будь, как белка, работающим’ белка характеризуется как «работающее», «шустрое» животное. В счете возраста человека с белкой сравнивается молодой человек, а именно двадцатилетний, с волком – тридцатилетний (т. е. человек, набравшийся жизненного опыта), с верблюдом – сорокалетний (т. е. трудолюбивый): *Он – ийт, журме – тийинг, одус – бөрү, төртөн – төд*⁹ ‘Десять – собака, двадцать – белка, тридцать – волк, сорок – верблюд’.

В языке с образом суслика сравнивается быстрый, шустрый человек: *Ол өркө чилеп сурт эдип, айлын дөөн кире конды*¹⁰ ‘Он, как суслик, быстро швырнул в свою юрту’. В некоторых случаях метафорическое выражение *аамай соксо*¹¹ ‘глупый детеныш суслика’ может употребляться по отношению к человеческому дитя. Суслику приписывается хитрость (*сүме*): *Кезикте жап-жангы каскан уйдаа, өркөлөр жок болотон эмей. Кезик жоон өркөлөр өндөтийин сүрекей жаман ичегенде жадар. <...> Сен сүмелү болзонг, мен де сүмелү деп айдар керек* [19, с. 57] ‘Иногда в только что вырытых норах сусликов не бывает ведь. Иногда крупные суслики нарочно лежат в очень плохих норах. <...> Если ты хитрый, то и я хитер, так надо говорить’.

Зооморфизм *тарбаган* ‘сурок’ употребляется в концептуализации человека ленивого (*жалку* ‘ленивый’) или любящего поспать (*уйкучыл* ‘любящий поспать’): *Ол тарбагандый уйуктап жаткан*¹² ‘Он спит как сурок’; *Тарбаган жадала, семирер*¹³ ‘Сурок лежа жиреет’. В следующей пословице животные олицетворяют сборище бестолковых людей, которые не занимаются делом: *Көн тарбаган ичеген каспас* ‘Много сурков нору не выроют’ [12, с. 201, 202]. Эта паремия употребляется по отношению к бестолковому сборищу людей, которые не работают, а лишь завидуют друг другу: *Көн тарбаган ичеен каспас – дежетен. – Көн улус нени эдер. Бой-бойлорына адаркажып, көлзөп базып турганча, күн ажып, түн кирип калатан туру* [10, с. 142] ‘Много сурков нору не выроют – говорят. – Много людей что сделают. Пока друг другу завидуют, толпой ходят, солнце сядет, ночь наступит’.

Многие эвфемизмы и метафоры, связанные с беличьими, возникли в охотничьем лексиконе для непрямой номинации животных на основе их определенных признаков внешности и стереотипов поведения, а также на основе метафорического уподобления их другим животным или предметам. Одними из характерных черт для рассмотренной группы грызунов является быстрота передвижения, юркость и ловкость, что передается определенными глаголами движения. Образы некоторых зверьков, в частности белки, суслика и сурка, стали культурно-языковыми стереотипами и вошли в язык как средства образно-метафорической номинации человека с пейоративными, мелиоративными или нейтральными оценками. Метафорические номинации с образами белки и суслика отождествляются с быстрым, шустрым, трудолюбивым человеком, с образом сурка – ленивым человеком. образу суслика уподобляется хитрый, вороватый человек, захватывающий чужое. Немногочисленность выделенных сем у рассмотренных зооморфизмов объясняется тем, что об особенностях повадок, среде обитания этих животных знает не каждый человек, и эти зоонимы не всегда употребляются в речи.

⁷ Информант ЧВТ, 1947 г. р., из рода ак кёбёк, образование среднеспециальное; с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай.

⁸ Информант ТИТ, 1950 г. р., из рода сойонг; с. Козюль Усть-Канского района Республики Алтай.

⁹ Информант ЧВТ, 1947 г. р., из рода ак кёбёк, образование среднеспециальное; с. Яконур Усть-Канского района РА.

¹⁰ Информант ТИТ, 1950 г. р., из рода сойонг; с. Козюль Усть-Канского района РА.

¹¹ Информант ТИТ, 1950 г. р., из рода сойонг; с. Козюль Усть-Канского района РА.

¹² Информант СГД, 1966 г. р., из рода саал, с. Кара-Кудьюр Улаганского района РА.

¹³ Информант СГД, 1966 г. р., из рода саал, с. Кара-Кудьюр Улаганского района РА.

Заключение

Таким образом, следует заключить, что лексико-семантические группы зоонимов, обозначающих представителей семейств медвежьих, псовых, куньих, беличьих, оленевых в алтайском языке, наделены коннотативными значениями и являются средствами эмотивно-оценочной лексики. Появление коннотаций у зоонимов, обозначающих диких животных, связано с хозяйственно-бытовым опытом и культурно-национальным сознанием носителей алтайского языка.

При зооморфизации, или переносе наименований с животного на человека, носитель языка исходит от себя как точки отсчета: он переносит положительные свойства тому, что важно для него, что приносит пользу, и отрицательные свойства тому, что бесполезно или приносит вред. Выражая субъективное отношение к другому человеку, описывая его качества, носитель языка ориентируется на те стереотипные устоявшиеся ассоциации с животными, которые закреплены в языке. Например, лисе приписываются такие человеческие свойства, как хитрость или притворство, а косуле – красота и женственность.

Принцип антропоцентризма является основным в процессе вторичной номинации. В исследовании человеком животного мира показательно проявляется тенденция к антропоморфизации образов животных. Мир животных рассматривается и оценивается человеком в силу его собственных критериев оценки и меры. В процессе изучения животных, их повадок, образа жизни человек стал приписывать им собственные мотивации, ценности, эмоции и характер. Это отразилось в формировании стереотипных представлений о животных как, например, о злых (волк, медведь), глуповатых (волк, барсук), умных, хитрых, красивых (лиса), трудолюбивых и притких (белка), отважных, сильных, горделивых (марал, лось), красивых (соболь), неопрятных (колонок) и т. д. Антропоморфная стереотипизация представлений о животных в языковой картине мира дает возможность проведения аналогий между образами животных и людьми, наделяя их сходными признаками.

Литература

1. Тыбыкова, Л. Н. К вопросу о семантической структуре зооморфного образа «собака» в алтайском и русском языках // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории государства Российского. Труды Всероссийской научно-практической конференции (Бийск, 27–30 сентября 2006 г.). – Бийск : БГПУ им. В. М. Шукшина, 2006. – С. 115–124.
2. Тыбыкова, Л. Н. Этнокультурная специфика зооморфного образа «медведь» в алтайском языке в сопоставительном аспекте // Урал-Алтай: через века в будущее : материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н. К. Дмитриева (Уфа, 27–28 июня 2008 г.). – Т. 1. Языкознание, Литературоведение. – Уфа : Гилем, 2008. – С. 252–260.
3. Тыбыкова, Л. Н. Символика красоты в алтайских зооморфизмах // Этнокультурное наследие народов Алтая : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию юбилею НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. – Горно-Алтайск : Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2022. – С. 339–353.
4. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. – Москва : Языки славянской культуры, 1995. – Т. II. – 769 с.
5. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – Москва : Наука, 1986. – 141 с.
6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.
8. Цыпанов, Е. А. Зооморфизмы как один из источников пейоративов в коми языке // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы : сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Ижевск: Издательство Анны Зелениной, 2019. – С. 161–166.
9. Яимова, Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 1990. – 169 с.

10. Чунижеков Ч. Мундузак. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отд-ние Алтайского кн. изд-ва, 1957. – 152 с. (На алтайском яз.)
11. Алтай баатырлар. Т. VI / составители : М. А. Демчинова, И. Н. Муйтуева. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отд-ние Алтайского кн. изд-ва, 2020. – 588 с. – (Памятники эпического наследия Алтая). (На алтайском яз.)
12. Алтайские пословицы и поговорки = Алтай кеп ле укаа сөстөр / составитель Н. Р. Ойроткинова. – Новосибирск : Редакционно-издательский отдел НГУ, 2010. – 268 с. (На алтайском и рус. яз.)
13. Шодоев И. Кызыланду жылдар. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отд-ние Алтайского кн. изд-ва, 1973. – 201 с. (На алтайском яз.)
14. Акулова Т. Чарас-Бажы – Чөрчөк кабайы. – Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 2003. – 376 с. (На алтайском яз.)
15. Алтайские народные песни / составители : М. А. Демчинова, Г. Б. Сыченко. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2022. – 956 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 35). (На алтайском и рус. яз.)
16. Алтайский фольклор / составитель Е. П. Кандаракова. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отд-ние Алтайского кн. изд-ва, 1988. – 216 с. (На алтайском яз.)
17. Акулова Т. Эң калын журт. – Горно-Алтайск : Солоны, 1998. – 176 с. (На алтайском яз.)
18. Тепуков К. Алтай жерис агару. – Горно-Алтайск : Литературно-издательский дом «Алтын Туу». – URL: <http://azatpai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (дата обращения : 24.04.2023). (На алтайском яз.)
19. Каинчин Ж. Айлыбыс жаныс өзөктө. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отд-ние Алтайского кн. изд-ва, 1984. – 230 с. (На алтайском яз.)

References

1. Tybykova, L. N. To the question of the semantic structure of the zoomorphic image “dog” in the Altai and Russian languages. In: Socio-cultural interaction of the Altai and Russian peoples in the history of the Russian state. Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference (Biysk, September 27–30, 2006). Biysk, V. M. Shukshin BSPU Publ., 2006, pp. 115–124. (In Rus.)
2. Tybykova, L. N. Ethnocultural specificity of zoomorphic image “bear” in the Altai language in the comparative aspect. In: Ural-Altai: through centuries into the future: materials of the III All-Russian Turkological conference dedicated to the 110th anniversary of N. K. Dmitriev (Ufa, June 27–28, 2008). Vol. 1: Linguistics, Literary Studies. Ufa, Gilem Publ., 2008, pp. 252–260. (In Rus.)
3. Tybykova, L. N. Symbolism of beauty in the Altai zoomorphisms. In: Ethno-cultural heritage of the Altai peoples: proceedings of the All-Russian scientific-practical conference devoted to the 70th anniversary of the S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies Publ., 2022, pp. 339–353. (In Rus.)
4. Apresyan, Y. D. Integral description of language and system lexicography. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 1995, vol 2, 769 p. (In Rus.)
5. Telia, V. N. Connotative aspect of semantics of nominative units. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Rus.)
6. Kobozeva, I. M. Linguistic semantics. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 352 p. (In Rus.)
7. Maslova, V. A. Linguoculturology: textbook for students of higher educational institutions. Moscow, Academy Publ., 2001, 208 p. (In Rus.)
8. Tsypanov, E. A. Zoomorphisms as one of the sources of peyoratives in the Komi language. In: Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: a collection of articles on the materials of the VI All-Russian scientific conference of Finno-Ugric scholars. Izhevsk, Anna Zelenina Publ. House, 2019, pp. 161–166. (In Rus.)
9. Yaimova, N. A. Tabooed lexicon and euphemisms in the Altai language. Gorno-Altai, Gorno-Altai Publishing House, 1990, 169 p. (In Rus.)
10. Chunizhekov, Ch. Munduzak. Gorno-Altai, Gorno-Altai branch of Altai Book Publ. House, 1957, 152 p. (In Altai)
11. Altai baatyr. Vol. 6. Compilers: M. A. Demchinova, I. N. Muiutueva. Gorno-Altai, Gorno-Altai branch of Altai Book Publ. House, 2020, 588 p. (Monuments of Epic heritage of Altai). (In Altai)

12. Altai proverbs and sayings. Compiler N. R. Oinotkinova. Novosibirsk, Editorial and Publishing department of NSU, 2010, 268 p. (In Altai and Rus.)
13. Shodoev, I. Difficult years. Gorno-Altaiisk, Gorno-Altaiisk branch of the Altai Book Publ. House, 1973, 201 p. (In Altai)
14. Akulova, T. Charas-Bazhy – cradle of fairy tales. Gorno-Altaiisk, Yuch-Syumer Publ., 2003, 376 p. (In Altai)
15. Altai folk songs. Compilers: M. A. Demchinova, G. B. Sychenko. Novosibirsk, Publ. House of the SB RAS, 2022, 956 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 35). (In Altai and Rus.)
16. Altai folklore. Compiler E. P. Kandarakova. Gorno-Altaiisk, Gorno-Altaiisk branch of the Altai Book Publ. House, 1988, 216 p. (In Altai)
17. Akulova, T. The largest village. Gorno-Altaiisk, Solony Publ., 1998, 176 p. (In Altai)
18. Tepukov, K. Altai – our sacred land. Gorno-Altaiisk, Literary and Publ. House “Altyn Tuu”. URL: <http://azatpai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (accessed: April 24, 2023). (In Altai)
19. Kainchin, J. Our yurts are in the same valley. Gorno-Altaiisk, Gorno-Altaiisk branch of Altai Book Publ. House, 1984, 230 p. (In Altai)